

RU

Русская православная церковь и практика духовного воздействия на преступников в условиях Югорского Севера в конце XVI – начале XX в.

Бортникова Ю. А.

Аннотация. Цель исследования – охарактеризовать деятельность Русской православной церкви (РПЦ) в местах заключения Югорского Севера и роль местных священников в предотвращении преступлений в конце XVI – начале XX в. Первое направление такой деятельности – работа с осужденными, т. к. Север Западной Сибири считался местом ссылки государственных и уголовных преступников. Второе направление касалось инородцев, т. к. миссионерство не заканчивалось крещением: необходимо было предотвращать религиозные преступления (возвращение в язычество, шаманство, непосещение церкви и т. д.). В статье выявлены этапы этой деятельности и ее особенности, вызванные климатическими условиями Арктики и кочевым образом жизни коренного населения, а также рассмотрено влияние на церковную политику в Югре Российского уголовного законодательства и Тюремной реформы 1879 г., взявшей курс на гуманизацию мест заключения. Новизна исследования заключается в отсутствии иных публикаций по данной проблематике и в новом подходе для анализа материалов. Данный подход пока не применялся в исследованиях по истории Русской православной церкви: через анализ статистических материалов из Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске выявлена позиция РПЦ относительно религиозных преступлений, совершенных коренными народами Севера. В результате исследования автор приходит к заключению, что на рубеже XIX–XX в. деятельность Русской православной церкви в пенитенциарной сфере претерпела кардинальные изменения: духовная помощь осужденным с целью их исправления стала регулярным явлением, а религиозные преступления коренных народов Севера оставались ненаказуемыми. Такая позиция объяснялась процессами, происходившими в Российской империи в целом. Уже сформировался комплекс социальных противоречий и назревали революционные события. Государство вынуждено было реагировать на них, ослабляя контроль за соблюдением устаревшего законодательства и принимая новые нормативные акты. В этих условиях деятельность Русской православной церкви по предотвращению преступлений соответствовала не только пенитенциарной политике России, а политическому курсу в целом. Священники Югры выполняли государственные задачи, несмотря на сложности, связанные с особенностями жизни и работы на арктическом Севере. В целом деятельность Русской православной церкви в сфере предотвращения религиозных преступлений была отражением сложных социально-политических процессов, происходивших в российском обществе. Следствием социальных противоречий стала Революция 1917 г., а с установлением «научного атеизма» как части государственной идеологии произошло упразднение понятия «религиозное преступление» и был установлен запрет на духовную деятельность священников в местах лишения свободы.

EN

The Russian Orthodox Church and the practice of spiritual influence on criminals in the conditions of the Yugra North in the late 16th to the early 20th century

Bortnikova J. A.

Abstract. The aim of the research is to characterize the activities of the Russian Orthodox Church (ROC) in the penal institutions of the Yugra North region and the role of local priests in preventing crimes from the late 16th to the early 20th century. The first area of this activity was the work with prisoners, as the North region of Western Siberia was the place for exiling of both state and criminal offenders. The second area was the work with indigenous people, as the missionary work was not aimed only at christening but also

at preventing religious crimes (return to paganism, shamanism, non-attendance of the church, etc.). The article identifies the stages and specific features of this church activity, which were influenced by the arctic climate and the nomadic lifestyle of the indigenous population. The research also examines the impact of the Russian criminal legislation and the Penitentiary Reform of 1879, which aimed to humanize the conditions of imprisonment, on the church's policies in Yugra. The novelty of this study lies in the absence of previous publications on this topic and the use of a new approach to analyze the archived materials: the author utilizes statistical data from the State Archive of the Tyumen Region in Tobolsk to understand the ROC's position on religious crimes committed by the indigenous peoples of the North. The research concludes that the ROC's activities in the penitentiary field underwent significant changes during the late 19th and the early 20th century. Providing spiritual assistance to convicts for their reformation became a regular occurrence, while religious crimes committed by the indigenous peoples of the North remained unpunished. This situation was influenced by the overall processes happening within the Russian Empire, including the emergence of social contradictions and imminent revolutionary events. The state had to react to these circumstances by weakening control over outdated legislation and adopting new normative acts. In these conditions, the ROC's efforts to prevent crimes aligned not only with Russia's penitentiary policy but also with the political course as a whole. Despite the challenges associated with living and working in the Arctic North, the priests of Yugra fulfilled state tasks. Overall, the ROC's activities in preventing religious crimes reflected the complex socio-political processes occurring within Russian society. These contradictions ultimately led to the Revolution of 1917, and with the establishment of "scientific atheism" as part of the state ideology, the concept of "religious crime" was abolished, and spiritual activities by priests in places of confinement were prohibited.

Введение

Актуальность темы. Духовность российского общества – один из приоритетов современной государственной политики, что обеспечивается институтами всех мировых религий, включая христианство. Это религиозное воздействие не теряет актуальности и по отношению к осужденным, особенно в условиях проведения в 2010-2020-х гг. реформы по гуманизации тюремного заключения. Поэтому исторический опыт Русской православной церкви (РПЦ) представляется одним из важнейших факторов, значимых для понимания путей и методов духовного воздействия на преступников с целью их исправления в настоящее время.

Задачи исследования:

- определить этапы деятельности РПЦ в пенитенциарной сфере;
- выявить особенности работы православных священников с заключенными и ссыльными;
- проанализировать миссионерскую деятельность православной церкви в среде коренных народов Севера для предотвращения религиозных преступлений.

Степень изученности темы. Теоретическая база. Тема исследования пока не рассматривалась в историографии. Основная часть опубликованных работ касается истории миссионерства на территории Югры (Софронов, 2014) и деятельности пенитенциарной системы Западной Сибири (Бортникова, 1999), а единственное исследование, которое объединило две эти сферы, – магистерская диссертация выпускника Тобольской православной духовной семинарии иерея А. В. Сафимова (2019) «Миссионерское служение священника в следственном изоляторе». Эта диссертация носит не исторический, а философско-богословский характер и обобщает принципы работы с заключенными, в том числе в северных регионах. Ее ценность определяется взглядом священника-практика, имеющего опыт духовной работы с людьми, лишенными свободы.

Определенное значение для написания статьи имела работа эстонского исследователя А. Леэте «Христианство и Север в восприятии ученых и путешественников XVIII – начала XX в.», которая также отражает взгляд священников, но в предыдущие века, и помогает понять ментальность того времени в восприятии Севера с церковно-правовой позиции: «Христианское понимание связывало Арктику с неизбежными пороками, но также и с искуплением грехов» (2019, с. 14).

Современные правовые и историко-юридические исследования посвящены разным аспектам исследуемой темы: дискуссиям о церковных наказаниях в имперской России (Черенкова, 2021), о конфессиональной судебной системе в дореволюционный период (Тур, 2021), об институте религиозных преступлений в уголовном праве Российской империи (Беспалько, 2015), о роли религиозного влияния в механизме общественного воздействия на осужденных (Кулакова, Ковтуненко, 2021). Все юридические исследования посвящены теоретическим вопросам без характеристики деятельности РПЦ в условиях Российской арктической зоны, какой является север Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Материалы и методы исследования. Источниковая база исследования включает материалы Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (ГАТО в г. Тобольске): Фонд И-171 «Березовское уездное полицейское управление, г. Березов Березовского уезда Тобольской губернии, 1871-1919», а также сборники опубликованных документов:

- 1) документы из ГАТО в г. Тобольске – по истории Обдорской миссии в 60-е – 70-е годы XIX в. (Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60-е – 70-е годы XIX в.) / сост. В. Темплинг. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2002);

2) документы из Российского государственного архива Древних актов (РГАДА) по истории Югры XVII в. (Обдорский край и Мангазья в XVII в. Сборник документов. Екатеринбург: Тезис, 2004);

3) издание Государственного архива Югры с документами из РГАДА конца XVI в. (Югра в древних актах / пер.: Е. Н. Петухова; консультант: Н. С. Харина. Ханты-Мансийск, 2018);

4) законодательство Российской империи (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. М.: Типография В. Готье, 1872; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд-е 5-е. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1886).

Методы исследования: сравнительно-исторический и сравнительно-правовой, которые позволили выявить этапы деятельности РПЦ в сфере предотвращения преступлений на территории Югорского Севера и проследить влияние на эту деятельность процессов гуманизации тюрьмы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в учебных курсах по истории Русской православной церкви и истории государства и права России. Кроме этого, анализ деятельности РПЦ в местах заключения может быть полезным для использования этого опыта в настоящее время.

Обсуждение и результаты

Западная Сибирь была присоединена к России в конце XVI в., и с этого периода в истории Югры начался отсчет деятельности Русской православной церкви в качестве официального религиозного института. Эта деятельность была обусловлена прежде всего задачей крещения коренных народов Севера, и в течение первых веков духовная помощь заключенным не была приоритетной. Лишь с появлением осужденных по религиозным мотивам на «колодников» было обращено особое внимание, что представляется логичным явлением с учетом составов совершенных преступлений. Постепенно РПЦ распространяла свое воздействие на уголовных ссыльных с целью их исправления, но это напрямую было связано с гуманизацией тюремного заключения в конце XIX в.

Постепенное расширение штата священников, как и рост православного населения, укрепляло позиции церкви и превращало ее в действующий механизм выполнения государственных задач. С 1620 г. миссионерские и духовные функции принадлежали Тобольской (позднее – Тобольско-Тюменской) епархии; там же открылась духовная семинария, выпускающая православных священников. Эти штаты обеспечивали миссионерские потребности Севера, причем часть духовных лиц происходила из аборигенного населения. Именно они лучше всего понимали земляков и чаще всего «закрывали глаза» на уже свершившиеся религиозные преступления, не допуская наказаний и прибегая исключительно к духовному внушению.

Одним из таких священников был отец Василий Герасимов – выходец из среды самоедов, из рода Югомпелик (Путевые журналы..., 2002, с. 10). Он окончил курс Тобольской духовной семинарии и стал миссионером на Крайнем Севере, но в молодом возрасте умер. В отличие от других священников, в его отчетах (после посещения кочевников) отсутствуют факты, которые бы свидетельствовали о религиозных преступлениях со стороны соплеменников. Более того, зафиксированы их пожелания, связанные с организацией в юртах правоохранительной деятельности: «...хорошо бы, чтобы русские вершили суд. А еще лучше – священник, потому что у него в руках Слово Божье, он и может судить и не даст русским творить плохо» (Путевые журналы..., 2002, с. 147). Они просили отца В. Герасимова справедливо разбирать их споры и жалобы, чем он и занимался при посещении юрт (Путевые журналы..., 2002, с. 147).

Некоторые священники были напрямую связаны с местами заключения, испытав на себе условия тюрьмы, примером чего является следующее административное дело. В 1906 г. в Березовскую ссылку поступил бывший псаломщик церкви с. Ново-Владимирка Херсонского уезда Борис Гусаренко 24 лет, обвиненный «во вредной политической деятельности и пропаганде среди крестьян» (ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 82). Через год после ареста он прибыл из Херсонской тюрьмы в административную ссылку в северные районы Тобольской губернии; местный губернатор определил его в с. Троицкое, где действовала церковь. Б. Гусаренко ранее окончил 5-летний курс Духовной семинарии. Его личное дело, хранившееся в полицейских структурах Березовского уезда, не зафиксировало службу в местной церкви или тюрьме, но такие факты и нельзя было включать в официальную документацию. Между тем история Севера хранит многочисленные истории привлечения образованных ссыльных для работы в различных структурах, вплоть до правоохранительных органов. Вряд ли лояльные местные священники могли не использовать его помощь (в том числе среди заключенных), тем более что духовное воздействие на ссыльных с целью исправления выступало одной из стоявших перед духовными лицами задач.

История пенитенциарных учреждений Югры начинается в XVI в. В 1590-х гг. были построены крепости Березов и Сургут (Югра в древних актах, 2018, с. 9), а в крепостях, как правило, создавались аманатные (аманатские) избы и темницы. Первые предполагались для временного заточения заложников из числа коренных народов Севера с целью сбора ясака. Вторые предназначались для следствия (включая пытку) и последующего наказания, в том числе представителей коренных народов Севера. Документы XVII в. полны информации о пытках инородцев (при производстве следствия по подозрению «в измене») (Обдорский край..., 2004, с. 10-69), но нет никаких упоминаний о приглашении к ним священников. Однако их и не могли приглашать для исполнения духовных треб, т. к. население Севера в тот период еще было языческим: по данным Обдорской

миссии, до 1854 г. число всех крещеных в Арктической зоне остяков, вогулов и самоедов составляло в среднем 5 человек в год (Путевые журналы..., 2002, с. 10).

Присутствие шаманов для оказания духовной помощи заключенным-инородцам было исключено, а священники могли посещать такие темницы и аманатные избы с миссионерской целью. Подобный опыт присутствовал в местах заключения губернии. Например, в 1849 г. было обращено в православие 8 заключенных Тобольского тюремного замка; священники также благословляли пересыльных арестантов в долгий кандалный путь (Бортникова, 1999, с. 240).

Даже в XIX в. на Югорском Севере не было тюремных церквей, регулярных служб в стенах пенитенциарных учреждений – тоже, но в камерах иконы не просто разрешались, а поощрялись, и арестантам выделялось время для молитвы. Ссылные, находившиеся за пределами тюремных стен, обязаны были регулярно посещать церковные службы, т. к. на них накладывалась епитимья. Показателен в это плане пример А. А. Алябьева – известного композитора, автора знаменитого «Соловья». В 1828 г. за непредумышленное убийство он был сослан в Западную Сибирь и приговорен к церковному покаянию на 7 с половиной лет. По мнению местного церковного управления, за такое убийство, совершенное с отягчающими обстоятельствами (т. е. в условиях безнравственного образа жизни с алкоголем и азартными играми), ему полагалось 15 лет епитимьи. «Он был обязан ходить в церковь к службам, в посты исповедоваться и, ежели со стороны духовного отца не окажется препятствий, приобщаться к святым тайнам, а в остальное время – под смотрением приходского священника» (Цит. по: Науменко, 2008, с. 46).

Подобная практика епитимьи существовала и в более поздние периоды, поэтому при распределении ссылных по Сибири губернские власти учитывали наличие церкви. Не случайно высланный в Березовский уезд упомянутый выше бывший пастырь Борис Гусаренко был назначен на жительство в с. Троицкое; вместе с ним в этом селе отбывали ссылку около 50 человек (ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 82, л. 19 об.); обычно приезжие приписывались к церкви как «временно проживающие».

Если ссылные могли посещать церкви, то заключенные такой возможности не имели. Сохранились свидетельства, что священников приглашали к арестантам для отпевания и отпущения грехов перед смертью (Нечволодов, 1991, с. 347). В 1807 г. Тобольский губернский прокурор также предложил священникам посещать подследственных арестантов, содержащихся в тюремных замках, – в основном с целью ускорения следствия, и Тобольская консистория вынесла соответствующее решение: «...в посты невольников исповедовать, при этом увещевать, чтобы они в своих преступлениях раскаялись и перед судом сами признание делали» (Цит. по: Бортникова, 1999, с. 240). Березовский тюремный замок Югры автоматически включался в этот список, но речь шла лишь о тех арестантах, кто находился под следствием. Осужденные же формально оставались без духовной помощи, хотя на практике сложно представить, чтобы священник исповедовал одного арестанта и отказал другому, если у того была потребность в беседе со священником.

Взаимодействие духовных лиц и органов следствия прослеживается и в дальнейшем. В качестве примера приведем историю с крещеным остяком князем Тайшиным, когда в 1860 г. священник из Обдорской миссии Петр Попов стал инициатором дознания, написав «секретный» донос: «...поступая по обычаям язычества, он не только подает повод инородцам оставаться в язычестве, но может, при своем богатстве и власти, и уничтожить посеиваемые, но еще слабые семена христианства» (Путевые журналы..., 2002, с. 20). Началось следствие, а результатом стало прерывание древней княжеской династии, т. к. потомки Тайшина его титул уже не смогли унаследовать.

Еще один пример позиции священника связан с деятьельностью в 1863 г. миссионера отца Евфимия Пономарева. Он все силы бросил на искоренение идолов, прежде всего главного – «идола-шамана Мастерка», которого наиболее чтит все остяки и отчасти самоеды: «Инородцы, по особенному уважению к идолу и служителям его, скрывают последних от преследования духовных лиц и полиции». Священник обратился с письмом в соответствующие органы, чтобы «хоть несколько ослабить зло», и начался процесс расследования «преступления» (Путевые журналы..., 2002, с. 26-27).

В 1895 г. была учреждена Тобольская губернская тюремная инспекция, которая поставила цель создания хотя бы одного образцового пенитенциарного учреждения, соответствовавшего европейским стандартам. Для эксперимента был выбран Тобольский тюремный замок, на базе которого существовали две каторжные тюрьмы, и там было открыто сразу две тюремные церкви (Бортникова, 1999, с. 242). Хотя Югорский Север не входил в экспериментальные планы Тюремной инспекции, но изменения произошли во всех местах заключения губернии. Отныне священники обязаны были посещать заключенных с целью их исправления. Кроме этого, больше не зафиксировано доносов священников на инородцев, и даже наоборот – первые стали брать их под защиту.

Основная проблема состояла в том, что крещеные аборигены Югорского Севера массово не посещали церковь, а это по Уголовному Уложению 1845 г. трактовалось как отступление от веры и считалось религиозным преступлением (Уложение 1845 г., раздел 2, глава 2, отделение 1, статьи 184-195). Под подозрение попадали все прихожане, кто не посещал исповедь и причастие более 3 лет. В 1899 г. серьезная ситуация сложилась в Сосвинском приходе, когда выяснилось, что много кочевников не приезжают в свою инородческую церковь на исповедь и причастие. Более того, среди аборигенов продолжали существовать бесчинства (языческие ритуалы), которым, по информации инородческой управы, «они отдавались несмотря на требования христианского долга» (ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 3, л. 2-3).

По Уложению 1845 г. близкое к этому поведение («кошунство»), оскорблявшее православную веру и случившееся во время богослужений, наказывалось сроком от 4 до 8 месяцев ареста с отбыванием наказания

в тюрьме (Уложение 1845 г., раздел 2, глава 2, отделение 1, статья 182), но инородцы делали это не в церкви. При массовых ритуалах обязательно существовали лидеры (как правило, шаманы, шаманство в процессе христианизации еще сохранялось как институт). Подобные действия со стороны шаманов соответствовали преступлению, отраженному в Уложении 1885 г., и наказывались каторгой от 8 до 10 лет (Уложение 1885 г., раздел 2, глава 2, отделение 1, статья 184). Кроме этого, под уголовное наказание подпадало «возложение хулы на православного Бога», без чего вряд ли обходились камлания – шаманские ритуалы. Это преступление, совершенное публично за пределами церкви (что полностью соответствует практике коллективного камлания), наказывалось каторгой от 6 до 8 лет (Уложение 1885 г., раздел 2, глава 2, отделение 1, статья 176).

Между тем никто из Сосвинского прихода не был наказан, включая «языческих организаторов», а к инородцам решили применить воспитательные меры: «Березовское уездное Полицейское управление предписывает Сосвинской инородной управе поспешить с исполнением поручения оною, от 5 июня 1899 г., о понуждении нерадивых к исполнению христианского долга исповеди и Св. причащения» (ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 3, л. 6). При этом ситуация лишь усугублялась: если в 1898 г. в этом приходе было 96 нарушителей, то в 1900 г. – уже 405 чел. (ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 3, л. 36-40). Обратим внимание, что ни разу не встал вопрос о следствии и суде даже при наличии фактов языческих камланий. «Преступников» стали отправлять в церковь, формально решив проблему, когда они из тундры приезжали в город в магазин за мукой.

Подобная ситуация наблюдалась по всему Югорскому Северу. На запросы Березовского уездного полицейского управления в инородные управы – Котскую, Сосвинскую, Шеркалинскую и другие – приходил одинаковый ответ: посещение церкви в означенные сроки невозможно из-за дальности расположения юрт и кочевого передвижения по тундре, а оно обеспечивает физическое выживание аборигенов (ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 3). Священники и инородные управы перестали фиксировать «умысел» иноверцев. Как правило, в документации о непосещении церкви указывалась причина «по нерадению» и лишь в двух случаях зафиксировано «по тупоумию» и «по неплодородию». Эти основания не влекли серьезных последствий, связанных с каторгой и ссылкой.

По Уложению 1885 г. на родителей и опекунов распространялась ответственность, если они будут «воспитывать вверенных им детей православного вероисповедания в правилах другого вероучения». За такое преступление предполагалось тюремное заключение от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев, а также передача детей в другие семьи (Уложение 1885 г., раздел 2, глава 2, отделение 1, статья 190). Но эти меры не применялись: в архивах не обнаружено ни одного подобного судебного дела или упоминания о таком наказании.

В целом масштаб непосещения церкви коренными народами был достаточно серьезным, что подтверждает Таблица 1. Приведенные в ней данные являются неполными; они сохранились лишь по некоторым приходам и в отдельные годы (или 1899 г., или 1900 г., или 1901 г.). Но все приходы – северные, расположенные в арктической части Югры.

Таблица 1. Данные о непосещении прихожанами исповеди и причастия более 3 лет в северной части Березовского уезда Тобольской губернии на рубеже XIX-XX вв. (сост. по: ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 3)

Название прихода	Мужчины (чел.)		Женщины (чел.)		Всего
	крестьяне	инородцы	крестьяне	инородцы	
Сухоруковский	5	70	9	63	147
Троицкий	6	38	18	21	83
Котский	-	91	-	83	174
Сосвинский		210		195	405
Всего	11	409	27	362	809

Анализ архивных материалов дает основания полагать, что у коренного населения все же присутствовал умысел, о чем священники и администрация инородных управ умалчивали. В качестве примера приведем данные по Сухоруковской церкви Березовского уезда (Таблица 2).

Таблица 2. Статистические данные о непосещении исповеди и причастия прихожанами Сухоруковской церкви Березовского уезда Тобольской губернии на 1900 г. (сост. по: ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 3, л. 9 – 11 об.)

Возрастная категория	Мужчины				Женщины			
	чел.	К0 (%)	К1 (лет)	К2 (лет)	чел.	К0 (%)	К1 (лет)	К2 (лет)
0-15 лет	10	13	3-9	5,2	5	7	4-7	5,2
16-29 лет	25	33	3-16	6	16	22	3-12	6
30-49 лет	23	31	3-24	7,7	32	45	4-12	6
50 и старше	17	23	4-27	9,1	19	26	4-12	9,1
Всего	75	100			72	100		

Примечание:

К0 – процент от общего числа в соответствующей возрастной группе.

К1 – границы (минимальное и максимальное количество лет) периода отсутствия на исповеди и причастии.

К2 – среднее количество лет отсутствия на исповеди и причастии.

В списке прихожан, не посещавших Сухоруковскую церковь более 3 лет, значилось 75 мужчин и 72 женщины, из которых 30 – крестьяне сел Елизаровское и Сухоруковское, а остальные – инородцы из юрт Еноверских, Кынинских, Олтурминских, Проточных, Реушковых, Сосновских, Сухоруковских. Среди 72 женщин числится 16 вдов (22%). Их высокий процент может свидетельствовать о мотиве непосещения церкви: разочарование в православном Боге после потери мужа. Кроме этого, решение о крещении семьи принимал мужчина, а после его смерти женщины могли отойти от церкви по причине неглубокого проникновения христианства в их культуру. Однако «злой умысел» священник зафиксировал лишь у русской крестьянки, а это приравнивалось к непубличному богохульству и по статье 183 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (раздел 2, глава 1) наказывалось ссылкой в Сибирь и телесными наказаниями.

Данные Таблицы 2 также показывают, что в детско-молодежной возрастной группе от 0 до 15 лет средний период непосещения церкви был одинаковым как у девочек, так и у мальчиков, составив 5,2 года. Это свидетельствует о позиции их родителей, которые длительное время не посещали церковь сами. Согласно ст. 220 Уложения 1845 г., если родители не приводят детей в церковь, то это влечет всего лишь «духовное и гражданское внушение». Однако в Уложении есть статья 198, которая предполагает лишение свободы до 2 лет за уклонение от воспитания детей в православной вере. Такой же срок предполагался за уклонение от крещения детей, а факты подобных деяний известны из документов Обдорской миссии.

В возрастной категории 16-29 лет средний срок непосещения церкви также был одинаковым как у мужчин, так и у женщин, составляя 6 лет, однако в Таблице 2 отражены и некоторые гендерные различия. У мужчин самый активный возраст в этом плане – с 30 лет, а у женщин – с 50 лет. Таким образом, женщины не сразу нарушали установленные правила, что можно связать с их повышенной религиозностью и осторожностью.

В последней возрастной категории (50 лет и выше) средний срок непосещения церкви у женщин и мужчин тоже одинаков (9,1 года), однако архивные документы также зафиксировали отличие. В мужской группе этот срок в большинстве случаев составлял 7-8 лет (выше, чем в других возрастных категориях), однако средний показатель в 9,1 года достигнут за счет того, что у некоторых иноверцев сроки непосещения церкви были очень продолжительными – до 27 лет. У женщин наоборот: сроки непосещения церкви в большинстве случаев составляли 10, 11 и 12 лет, а средний показатель в 9,1 года достигнут из-за некоторых непродолжительных сроков в 4 года. Непосещение церкви сроком в 10, 15 и 27 лет давало серьезное основание для применения уголовного законодательства по обвинению в отходе от православия, однако священники и представители инородческих управ больше не допускали возбуждения уголовных дел.

Заключение

Деятельность православных священников Югорского Севера была направлена прежде всего на практику духовной помощи своей пастве, в состав которой, кроме местного русского населения, входили ссыльные и коренные народы Севера. Между тем священники играли определенную роль в правоохранительной сфере, особенно в плане помощи следственным органам. Однако отказ от возбуждения уголовных дел по преступлениям религиозного характера, который стал наблюдаться на рубеже XIX-XX вв., может объясняться не только изменением политики в отношении коренного населения и реформой гуманизации тюрем, но процессами, происходившими в Российской империи в целом.

К рубежу XIX-XX вв. уже сформировался комплекс социальных противоречий и назревали революционные события. Государство вынуждено было реагировать на них, ослабляя контроль за соблюдением устаревшего законодательства и принимая новые нормативные акты, которые отражали веротерпимость. В этих условиях деятельность Русской православной церкви по предотвращению преступлений соответствовала не только пенитенциарной политике России, а политическому курсу вообще. Священники Югры выполняли государственные задачи, несмотря на сложности, связанные с особенностями жизни и работы на арктическом Севере.

В целом деятельность Русской православной церкви в сфере предотвращения религиозных преступлений была отражением сложных социально-политических процессов, происходивших в российском обществе. Следствием социальных противоречий стала Революция 1917 г., а с установлением «научного атеизма» как части государственной идеологии произошло упразднение понятия «религиозное преступление» и был установлен запрет на духовную деятельность священников в местах лишения свободы.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением деятельности в Югре духовных лиц других религий: ислама, иудаизма, католичества. В период российских революций представители этих конфессий массово направлялись в арктические зоны (как правило, в Березовский уезд Югры) в качестве политических ссыльных, и религиозный аспект при отбывании срока ссылки является интересной научной проблемой.

Источники | References

1. Беспалько В. Г. Институт религиозных преступлений в уголовном праве Российской империи (XVIII – начало XX в.) // Публичное и частное право. 2015. № 2 (26).
2. Бортникова О. Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801-1917 гг. Тюмень: ТЮИ МВД, 1999.

3. Кулакова Н. Г., Ковтуненко Л. В. Роль религиозного влияния в механизме общественного воздействия на осужденных // Общественное воздействие как средство исправления осужденных: сборник. СПб. – Пушкин: Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2021.
4. Леэте А. Христианство и Север в восприятии ученых и путешественников XVIII – начала XX в. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2019-3-12-30>
5. Науменко О. Н. Тобольский тюремный замок: страницы истории. Тюмень: ТюмГУ, 2008.
6. Нечволодов А. Сказания о русской земле: в 4-х т. Кемерово: Уральское отделение Всесоюзного культурного центра «Русская Энциклопедия», 1991. Т. 4.
7. Сафимов А. В. Миссионерское служение священника в следственном изоляторе: маг. дисс. Тобольск, 2019.
8. Софронов В. Ю. Подготовка миссионеров в Тобольской духовной семинарии в XVIII-XIX вв. // Историко-педагогический журнал. 2014. № 1.
9. Тур В. Г. Конфессиональная судебная система Российской империи середины XIX в.: история и современные проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 1.
10. Черенкова Т. А. Дискуссии исследователей о церковных наказаниях во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 1 (57). <https://doi.org/10.26456/vthistory/2021.1.089-098>

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-20106, <https://rscf.ru/project/22-28-20106/>.

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-28-20106, <https://rscf.ru/project/22-28-20106/>.

Информация об авторах | Author information

Бортникова Юлия Александровна¹, к. ист. н.
¹ Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Bortnikova Julia Aleksandrovna¹, PhD
¹ Yugra State University, Khanty-Mansiysk

¹ Institute_cpk@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.09.2023; опубликовано online (published online): 07.11.2023.

Ключевые слова (keywords): церковь; миссионерство; Югра; тюрьма; коренные народы; священник; пенитенциарная система; ссылка; каторга; Север; church; missionary work; Yugra; prison; indigenous peoples; priest; penitentiary system; exile; penal servitude; North.